

УДК 39
Т 65

Издание и авторская работа выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 08-01-00497а; № 12-01-16023д),
а также Правительства и Министерства искусства
и культурной политики Ульяновской области

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодialectный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-215-2

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

ISBN 978-5-91674-215-2

надевали. Ну, пугать нас ни пугали, мы знали, что шубу надевают. Ну, там что там? Канфетки давали. Деньги ни давали. Или пираги, или какии-нибудь липёшки. Вот эдак вот давали. На Рождество, на первый день утром. Эта вставали в пять часов, в шесть часов и вот хадили. А если ты уже ни прашла да утра, вот примерна, да сими-васьми часов, эта уже была нильзя. А пачаму, ни знаю. Вот мы заходим, вот мы зашли, а Тоня дверь припёрла, мы жи ни убижим, и вот он тулуп раскрывает, нас бирёт — и в кучу. И вот гаварят, што будет многа скатины. А хто, бывала, ни заходили, [взрослые] абижались. «Ни заходят». Да, нада была [зайти]. Ну, раньши хадили в каждый дом. <...> Кто пел [Рождество], а кто и ни умел. Вот:

Малинький Юрчик

Прятянул ручки:

Сел на стульчик,

— Дайти дениг кучки!»

[САИ, с. М. Барышок; СИС Ф2009-13Ульян., № 65–66].

М.П. Чередникова

РОЛЕВЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ — см. Клетки городить

РУКОБИТЬЕ — см. Сватовство

РУСАЛКА

Русалки — демонологические персонажи, связанные с водой и растительностью, которых обычно представляют в виде длинноволосых («косматых») женщин. В Ульяновском Присурье этих персонажей также называют: *шутовками* (с. Палатово, Б. Шуватово), *чиганашками*, *чеганашками*, *чаганашками* (с. Потьма, Ждамирово, Кольцовка), *лешенъками* (с. Ждамирово) и нередко отождествляют с *шишигами* (см.).

Данные персонажи (возможно, различные по происхождению) объединены в одну группу на основе общих функций и мест появления, а также пояснений современных носителей традиции. «Да, вот эти вот эта русалки вроди вот были. Да эта адно и то жи — што чиганашка, што русалка» [КЕА, с. Потьма; МИА Ф2005-04Ульян., № 23]. В некоторых случаях рассказчики относят наименование «русалка» к более позднему времени, чем, например, «шишига»: «Вот на речки вот шишиги, бывала, называли. А тут уж [=в настоящее время] начили их, грит, “русалки” [называть] — шишигав-ти» [ТАВ, с. Чумакино; МИА Ф2002-21Ульян., № 18].

Различные наименования связываются с определенными местами и конкретными действиями. Например, с русалками, шутовками и лешенъками сталкиваются на реках и озерах, когда они колотят (полошут) белье. О чиганашках могут говорить по-разному, соотнося их и с сюжетом о том, как колотят холсты, и о том, как кого-то запарили в бане до смерти, подоб-

но шишигам. И шишига, и русалка могут предсказывать плохие времена, сидя около реки и расчесывая гребнем волосы.

Таким образом, при возможности определенной дифференциации объединение данных персонажей (и их наименований) в одну группу соответствует общей логике функционирования представлений о них в данном локальном варианте традиционной культуры.

Следует отметить, что встреча с этими персонажами может описываться и без указанных наименований, сообщается только об их внешнем виде, типичных действиях, и нередко используются номинации, связанные с гендерной принадлежностью — «девки», «баба», «женщина». «Атец рассказывал, значит, как он на речку пашёл, вот за баушкой же. И вот там ана, значит, баушка-та, палощит, и раньши вальки были, и валькáми эта... да, значит, бильё пылассала. <...> Глидит: как девка стает, гóла, и вот эта, гаврит, девка, я как, гаврит, я хлопнул, ана раз в воду — и больши иё нет» [ГАБ, с. Княжуха; БЛА Ф2000-2].

При описании внешнего вида русалок упоминаются такие черты, как распущенные длинные волосы (черного или белого цвета), нагота (иногда сообщается об одеждах белого цвета). «Волысы длинны. Ну, мы ведь их ни видали, я вот тожи ни видала — тожи калякали пра эти русалки» [ААМ, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-16]. «Ага, эта точна, ага, русалки были. Вот я иду, значит, с улицы, иду с улицы, ага: и вот эдак, значит, эта — абняла вот столб сриди вон этай, абняла, волысы, значит, ане спущины, ана ногишкой, ничаво на ней нет» [ЕАЯ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-18]. «И волысы на ней [=русалке] тока развяззай, мокрыи, значит, <...> вроди как билесы. [И] как вроди на ней какá рубашка бела. Больши на ней ничаво нет» [БТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

Изредка говорится о наличии рыбьего хвоста, лягушачьей чешуе на ногах, большом росте, а также об антропоморфной внешности, не отличающейся от обычного человека. «Ана [=руслалка], значит, эта, выплывит, и вроди, как гаварили: палавина, значит, чилавек, а тут у ней, значит, как рыбий зад, панимате?» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «Как настаящий чилавек сидит. Вроди, на ней што-та накинута, чё-та белае... А вот тут у нас был школьный пруд, там русалки выхадили — вот как лягушичья эта, вот на них эдакии вот были чишя, растения-та вот эта вот [=ряска либо лягушачья «икра】]. Там многа видали их» [АЕМ, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14]. «Сама я видала. Абныкнавенна, как чилавек. Как чилавек — и руки эдыки, и ноги эдыки, и лицо как у чилавека» [БТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.]. «А русалка бегат. <...> Сама дли-инна, всё хлоп!, хлоп! — бегат па ваде» [БТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

В отдельных случаях специально подчеркивается молодость, красота либо старость и пугающие черты русалок. «И выходит, грит, женщина ко мне — такая нарядна, красива, молодая. И миня, грит, спрашиват: “Ты куды идёшь, молодой чилавек?” [женщина исчезает; встретивший ее понимает, что это была русалка]» [БРА, ХЕИ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян.].

Основные места появления русалок — различные водоемы (река, озеро, болото, родник), и местность рядом с ними — берег, мост, камень на берегу. «А русалка бегат, а тут каса [=отмель] была — тут с канца-та глыбка, а там памельчи — вот па эти [=по колена]» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.]. «Про русалку говорили и видали: сидит русалка с длинными волосами, купацца, вот на мостках, ноги свесит» [САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян.]. «Да, ани [=русалки] ведь выходят бальшинство, — на речки ани бывают. Вот когда купаишься — тут биригись, тут сматри вавсю, ани на речки были» [ЕАЯ, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-18].

Реже сообщается о столкновении с русалками в лесу, поле или в пределах села (например, видят в бане). «Вот ани зашли в эту баню — а там ни най, три, ни най, читыри женщины, грит, эти самыи русалки» [НЕМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян.]. «Ну, так гаварят — у нас там лес, там радник, Тáзин радник называцца, в лясу. Вада в нём харóша, страх харóша. Ну, вот там гаварили: “Там, гаврит, живут русалки”» [ЛНИ, с. Палатово; МИА Ф2001-17Ульян.]. «Он [=пастух] пошёл домой. Эта Куклив Ерошка сказывал. Я, грит, иду и выходит (а лéсам шёл в Никалаивку), и выходит, грит, женщина ко мне — такая нарядна, красива, молодая. И миня, грит, спрашиват: “Ты куды идёшь, молодой чиловек?” А я, грит, говорю: “Да вот мы стадо пасём, я туда и иду”. И вот мне вроди думацца: “Эх, какая красива! Как бы мне с ней познакомицца?” Да. И вот, грит, я устанавился — и никакой девки ни указалось» [БРА, ХЕИ, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян.].

Встреча с русалками обычно происходит в темное время суток (часто — в полночь). «Про русалку говорили и видали: вот когда ночью робята пойдут — балáкыцца што-та в воде: сидит русалка с длинными волосами, купацца» [САП, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28Ульян.]. «На самым дели вот ана видила этих русалык, там вот в этай речки. Вот эти русалки купались в этай, — ана сама шла там ат тётки — на Буйинской улице ана там жила. <...> Эта была, ну, где-та ани в двянацать часов [ночи] там» [БМВ, НЛМ, с. Сурскoe; СИС Ф2000-16Ульян.]. «Сидят — шутовки-те... Вот идёшь када ночью в двянацать часов или в три часа ночи, если кто баицца, скажит: “Ага, кто-та там — шутовка или там эта... па ваде шлёпат”» [ФЛА, с. Палатово; МИА Ф2001-20Ульян.].

Появление русалок иногда имеет четкую сезонную приуроченность. Они появляются в семик (см.) накануне Троицы. «Где-та вот перид Троицай где-та. Тоже гаварили, вот в симик ани выходят эти русалки эти. Как утопленники, эти девушки там когда утанули, и вот ане в этат день выходят вот. Нильзя в этат день хадить на реку, ани могут затащить в речку. И ане, гаварят, выходят в этат день — в ночь, и вот нильзя на этат день хадить на речку. Купацца нильзя» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2009-29Ульян., № 75]. С ними сталкиваются «да коль тяпло» или пока не наступит Ильин день. «Эта русалка-та купацца. Как Ильин день праходит — русалка ни купацца, и люди ни купаюцца посли Ильина дня» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-05Ульян.].

Перечень типичных действий русалок невелик и часто служит основой их опознания, особенно в случае отсутствия заметных отличий внешнего вида от облика обычного человека. Наиболее распространенным является упоминание о том, что русалки «куплюцца» или просто сидят на берегу (см. выше).

Часто русалки (лешеньки) колотят белье на реке. «Рассказывал там старик, он старый уже был. Про все рассказывал. Он в ребятах ещё был. “Прогуляю, — говорит, — иду через мостки — и лешеньки полощут белье. Волосы длинные, распущены, и все в белом”» [САВ, с. Ждамирово; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 2, 1981]. «А то вот как раньши бильё, — щас утюги гладят, а тада валькáми. Хадили на Суру. Ну, тада и бильё ни эдыко был — ткано, сами ткали. И ана [=русалка] вот вылизит и валйт — как бильё, грит, калотит, как билье калотит. Как разбижицца — бултых! И ни видать иё» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

Также рассказывается о следующих действиях: русалки смеются («ржут, как лошиди») или плачут; сидя на камне или на берегу, расчесывают волосы гребнем; пляшут; бегают по воде, издавая резкие звуки («па ваде шлёпат»). «А пра эта вот слышала, эта тётка была дваюрная, дажи мама гаварит тожи: там на речки за мостам каминь, на камне сидит русалка (эта ана рассказывает нам) и вот гребним чешит и плачет. И как закричали, ана спугнулась и нырнула, и больши ани иё ни видили. А ишё здесь вот нибальшой пруд, а раньши здесь был пруд бальшой и чистый (когда барин здесь ишё жил), а тётка дваюрна ана нам, — ана ишё барину служила каким-то образом. И вот ана гаварит: “Иду, а ани, три русалки, сидят маладыи, красивыи — и вот чешут гребним волысы и смиюцца”» [ТАА, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «Жил у нас один квартирант, эта я ишё пыцаном был — рассказывал вот: русалка якыбы — у них ли там. А правда у них — вот он сам с Ростислаивки, с Ростислаивки он был. Радники, грит, в самым дели у них пачти в каждом дваре. Вот выхадила, грит, русалка, плясала. А у ней ног нету» [РАВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян.].

Реже упоминается способность русалок, равно как и шишиг (см.) предсказывать неблагоприятные времена. Пророчество обычно оформляется как устойчивая вербальная формула: «Што ни год — то хужи!» Некоторыми информантами акцентируется вредоносный характер действий русалок. Например, они могут утопить человека. «Ну, вот тожи ани тапили людей. Танула, многа пагибала людей ат русалкав. <...> Вот адна пашла купацца, и иё утапили — русалка утапила иё» [ЛНВ, с. Чеботаевка; СЕВ Ф2008-9].

Считается, что они могут погнаться за человеком и убить его. «Русалка, — я сама видала. Я любительница была брадить с матирью. У нас и бредни [есть]. Мы с ней ишё ночью пашли. И вот сабирацца туча, сабирацца туча в тем канце эдак. Сабирацца туча, пашёл дождик — сильный дождик, гром как ударит в землю. А мать всё: “Айда дамой! Айда дамой!” А русалка бегат. <...> Сама дли-инна. Всё хлоп!, хлоп! — бегат па ваде. Мать-та знала,

а я ж та ни знала, что русалка. <...> Ну, вот налавили, а мать всё: “Айда ты паскарей! Айда паскарей!” “Ты што таропишься? Чаво баишься? Што ана пабижит, што ли?” — “Ана, — гаварит, — дагонит — убьёт!” И вот и бегат, и бегат, и ударят, ударят!» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2003-01Ульян.].

Наиболее распространенной реакцией на встречу с русалками является испуг, стремление убежать. «Эти русалки-ти, их пално была на речки. У нас рабята-ти баялись хадить...» [КАИ, с. Ольховка; СЕВ Ф2007-18]. «Семь километров, как Камаровка-та. А идти-та лёсам, тут всё лес. И вот мост тут, речка была, авраг, была вада, тут мост был. Вот падхажу, грит, сидят, грит, на пирилах тут на масти на этих тут эта... Сидят [русалки], грит, выигрывают в гармошку, пляшут. <...> Ани, грит, чаво-та: “Го-о-о!” — эдак [подражает ржанию лошади]. Я, грит, как пустилси бижать. Ани, грит, за мной бижали да этава да стрёлышиныа бугра. Ба! Он, грит, патом, грит, аглинулись... эта я, грит, эта аглянулся — ани грят: “Што? Убёг, грит, всё-таки?”» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 25].

Описание столкновения с русалками может использоваться как подтверждение правильности установленного запрета (например, нельзяходить ночью на реку полоскать белье; нельзя поздно мыться в бане). «Вот адин валял валинки — Митька Суслин, — валял валинки. Яму нада была яво [=валенок] эта в речки паласкать, а у них вот эта баня — и речка прямая. Вот он вышил с этим с валинкам — ана ухаживат этим вальком калотит. Ба! “Я, — грит, — баюсь идти. А вон, грит, ищё какая-то, грит, бильё палощит!” На бериг-та стал — глидит: ана присела, грит, и калотит, калотит! Волысы длинныи. Я, грит, эта: “Е-эй, эт хто?” Ана ка-ак бросища в речку-ту! Я, грит, и валинек бросил — инда напугался. Дамой пришёл, сказывант, — как уж он яво схадил, ни най... “Никада, — грит, — теперь ни пайду в двянацать часов паласкаты!”» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 24].

Испугавшись встречи с русалками, человек может использовать защитные средства (например, молитву или ответное нападение). После этого они обычно исчезают или прекращают преследование. «Атец рассказывал, значит, как он на речку пашёл, вот за баушкой же. И вот там ана, значит, баушката, палощит, и раньши вальки были, и валькаами эта, значит, бильё пыласскала. И вот какой-та, ну, чилавек вышил [из воды]. Да. Чилавек. А у ниво [=отца], значит, был этат манинький кнутик, и он к этату чилавеку бижит и — как хлопнул! Глидит: как девка стаит, го́ла. И вот эта, гаврит, девка, я как, гаврит, я хлопнул, ана раз в воду — и больши иё нет» [ГАБ, с. Княжуха; БЛА Ф2000-2]. «А он [=сын] плугарил у миня, сын-та. Ну, вот паехыл. У нас там ключ — Галащапыv ключ называли. Ну, вот приехыл: вады, грит, нада наливть. Ну, падъехыл к ключу-ту, астанавил трахтыр, стал наливать: вядро пачарпнула — вылил. Втарой-та, гаварит, раз падашёл, ка-ак, грит, кто-та падашла, — падашла, грит, девка, ка-ак, грит, миня сунит в этат в ключ-та! Я, грит, эта... Как, я аттуда, мама, скора выскочил! Выскочил, грит, сел в трахтыр, и на третью, грит, и на пятую нажимаю скорысть. Никак трахтыр никуды ни двигаца да

толька! А ана, грит, сидит и смиёцца на плугу-ту, ни в какую, грит! А патом, грит, я, мам, вспомнил: ты, грит, всё миня учила эту малитву: “Хоспади Иисусе Христе”. Я, грит, эдак пирикристился: “Хоспади Иисусе Христе!” — ка-ак, грит, у миня бросился трахтыр. Ана мне кричит: “Што, — грит, — дагадался?”» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 26].

В последнем из примеров поведение русалки сходно с действиями, типичными для оборотней (см.) и приходящих мертвцев (см. *Летун*).

Встреча человека с русалкой могла завершаться установлением любовных отношений и браком. «Эта была дёла в Чибатаивки, и Гуляивка там была. <...> Ну, а там была — ну, как наподобии у нас вон пруд широкий этат был там... Эта вот нянька Нюра-та рассказывала: там адин паринь приходил, вот рассказывала, — ну, купались, видна, там хадили вот на этат. И вот русалка, грит, палюбила аднаво парня. <...> Ну, и иво вроди заприть... вроди штоб он ни хадил больши, а то, грит, ана утащит, утащит» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12].

Чтобы возвратить русалке облик обычной девушки, парень должен был накинуть на нее нательный крест. «Ана и хадила, нам Душанька всё рассказывала, хадила па Высилькам, ана хадила — русалка-ти. Влюблелись рабята в ниё и, гаварят, если сумеешь накинуть хрест на ниё, тада ана сделицца чилавекам и нивеста твяя будет» [АЕП, НВА, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14]. «Вот адин наш, княжухский, — ну, работыли, к ним павадилась эта русалка-та. Ана как ужинать — и ана тут. Аткроит дверь-та, а чириз парог ни шагат ана. Ну, видит: ана калякат (ана така жи — калякат). А были палаты, где ани жили, он на палатях грит: “Щас хрест я на иё свой надену!” Ана толька голыву — он надел. Стала девка хороша — на ней жинился. Вот так вот» [САП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18].

В некоторых рассказах русалка сама сообщает полюбившему ее парню об этом способе избавления. «Эта была дёла в Кирзяти: рибяты, парни гуляли, и ани заметили — как ли... вот я ни знаю, как рассказать-та — уж как кии мы малинькии были. Вот ани зашли в эту баню — а там ни най, три, ни най, читыри женщины, грит, эти самыи русалки. <...> И вот адин адной гаварит: “Я тиба замуж вазьму!” Ана гаварит: “Нет! Иди приниси хрест, — памне мароз [=рассказчица сообщает о своем эмоциональном состоянии]. — Накинь на миня этат хрест — тагда ты увидёшь миня”. Эта всё исполнил — он жинился на ней» [НЕМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян.].

Сюжеты о возвращении русалкам человеческого облика связаны с представлениями об их происхождении. Генезис этих мифологических персонажей в Ульяновском Присурье в основном объясняется так: русалки — это дети, проклятые (*праклиты, проклинённы*) своими родителями. «Вот эти русалки, грит, ани прокляты матириями дети» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «А то пойдёшь в проулок в двенадцать часов, в проулок в воду, они колотют — это вот проклинённы дети, русалки называющица. <...> Они уж так в воде, так и росли в воде» [КГП, КЗИ, с. Ждамирово; МИА Ф2000-28]. «Эта были прокляты дети, гаварили так. Мать вот

в децти проклинёты рибёнка, и ани пропадали, и вот привращались в этих русалках. Эта была в старину...» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-14].

Гораздо реже их происхождение связывается со вдовами-утопленницами или девушками, которые утопились после того, как их бросил возлюбленный. «Эта будта вот души умерших, утопших, которых, в общим-то, жинихами были брошины, ана [=тетка] так гаварила» [ТАА, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18].

У некоторых рассказчиков соотнесение русалок с проклятыми детьми принимает характер противопоставления. «Эта были какии русалки — прыклинали, всё гаварят, радитили [детей]. Никакии ни русалки, а вот эта всё праклинали, вот. Там или какую бяду сделыют или чаво — ведь мы какии все ниваздержанныи: “Вот такá-сякá!”» [САП, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «Вот ани зашли в эту баню — а там ни най, три, ни най, читыри женщины, грит, эти самыи русалки. А ани ни русалки, а проклитыи дети. Вот мать, ведь мы всякии, женщины, — праклинам сваво дитя — иль там: “Чёрт, мыл, тибя вазьми!” Или там: “Такии-сикии..” — эта вот всё была раныши. Щас ведь нет этава» [НЕМ, с. Кадышево; СИС Ф2003-08Ульян.].

В единичных случаях объяснение происхождения русалок может опираться на библейский сюжет о гибели войска египетского фараона, преследовавшего народ Моисея. «Гаварили, какая-та лигенда, што вот пра русалык-те: якбы вайна на них и вот наганяли, а бог Маисей, што лъ, был. Ну, и палку бросил на этих. И там абразавалась озира или рика бальшая, или мори — вот эти люди и астались, и вроди стали русалками. Он ни допустил, бог Маисей, да ихава воиска: вот сразу мори сделыл, и там ани абразавались, эти русалки. <...> Старики эта гаварили — давно этат разгавор-та» [КНС, с. Налитово; СИС Ф2001-23Ульян.].

Представления о внешнем виде и типичных действиях русалок актуализируются не только благодаря пересказам быличек и поверий, но и посредством определенных действий — ритуального и неритуального характера. Например, во время женских работ в поле или в лесу подруги могли подшучивать друг над другом, изображая русалку (см. еще *Пугать*). «Адна вот была шутница — Фросинья-та Люжонкыва. Ана раскасматицца, всё нагыла скинит, выходит из лису. Лес — всё пылднивали, абедыли: в лес в халадок забивались. Ана выйдет вот, распустит космы-ти и выйдет, пугать, вроди, пугать, да <...>. Всё на свети сымит, дагалá всё: ну, адне бабы, бабы адне. Бывала, палоть ведь хадили, пшиницу палоли, — пшиницу, проса артелью палоли хадили. <...> Ну, как вроди эти русалки-ти вот, всё каляают — русалки вот космы распускают, гаварят» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян.].

Также сообщается о ряженье русалкой в определенные праздники (см. *Наряженными ходить, Вёсну провожать, Шута хоронить, Святки*) и во время свадьбы (см. *Ярку искать*). «Ну да, на святки русалкой-та звали, <...> наряжина, приудрят. В маxрах. Маxры какии-нибудь — и на гала-ве, и визде, и на самой шабол весь наряжина. <...> [Волосы] распускали [ЕЕД, ОМФ, с. Новосурск; МИА Ф2002-22Ульян.].

Образ русалки использовался взрослыми в диадетических целях (см. *Подшкунивать, Пугать*). Русалкой наряжались представители старшего поколения, чтобы отучить детей от посещений опасных мест (реки, болота, горы и т.п.), заставить что-либо сделать (например, уснуть, перестать купаться). «Чай, пугали нас: «Ага, иди-иди-иди в гору — там русалка сидит!» Малиньки... У нас вот тичёт, вот за нашими прям дамами тичёт речка прям — ну, как вон в этих, вот ана тичёт, и вот тут вот пириход: «Иди-иди, — там пайдёшь, — иди-иди, там тибя русалка эта схватит!» Эта пугали...» [ММФ, с. Никитино; СЕВ Ф2009-12]. «Айдати, а то чиганашка выйдет, и вас захватит, и утащит в речку!» [КЕА, БВВ, с. Потьма; МИА Ф2005-05Ульян., № 36].

Стоит отметить, что в настоящее время о русалках рассказывается гораздо реже, нежели о таких мифологических персонажах, как домовой, оборотень или летун. При упоминании о русалках информанты часто относят знания о них к разряду детских «пугалок» (то, чем пугали старшие в детстве, — наряду с такими персонажами, как бука, баба-яга, бабай и т.п.).

Кроме того, про русалок (впрочем, как и про других названных персонажей) нередко рассказывают своеобразные «антибылички». Например: «Нет, я слышал эта всё — русалки, но я им ни верил, патаму шта я рыбак. А ведь ани на ваде, эта всё гаварили: эта мы рыбачили, и вот выбрали, — эта мы сеть пирибирам, рыбу выбираю. Палажили на лодку, сели на них, чтобы лодки-те не упливали. Ну, вот там двои бигут: “Русалка! Русалка!” — кричат. И сабирающца бижать, мы им кричим: “Куда бижити?” Я этаму ни верил, ни баялся» [ВГП, с. Кадышево; СИС Ф2003-02Ульян.].

E.B. Сафронов

РЮХИ

Игра со сбиванием деревянных чурочек была распространена в Ульяновском Присурье повсеместно. Наряду с общизвестным наименованием этой игры *в городки*, довольно часто встречались названия в *рюхи* (с. Первомайское, Утесовка, Сухой Карсун, Вальдиватское, Русские Горенки, Потьма, д. Александровка), в *чухи* (с. Б. Кандаратъ, Первомайское, Валгусы), в *клёк* (с. Б. Кандаратъ). Иногда название «рюхи» относилось не к самой игре, а только к неудачному удару. «В городки». Название «городки» было. «В рюхи» нет. «В рюхи» это уж вроди, ну, ни выиграл ты, ни сбил — это «попал в рюху» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-36Ульян., № 33].

Так же как и другие игры спортивного типа с выбиванием предметов, городки были развлечением мальчиков-подростков, парней и мужчин. «Ну, ребята, мы, маладёжь [играли], пятнацать, четырнадцать [лет]» [ТПД, д. Александровка; СИС Ф2004-09Ульян., № 75-76]. «Нет, я вabище ни видал, штоб [девочки играли]. Ни разу, сколька я жил, ни видал ни разу» [СЛИ, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 38].